

К. С. Пигров³

ПРОЕКТНОСТЬ В ГОРИЗОНТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН: МЕЖДУ НООСФЕРОЙ И ТЕХНОГЕНЕЗОМ⁴

Концепт проектности представлен в одной из наиболее развернутых дефиниций как присущий «...не только деятельности проектирования (как ее функциональный результат), но также языку, культуре, среде человеческого обитания... и всем вообще мыслимым, сознаваемым и предощаваемым возможным мирам. Проектность — это интенциональная, рефлексивно-коммуникативная реализация корневой устремленности жизни/деятельности человека и того осевого времени, в котором она, импульсируя, продвигается»⁵. Проектность (проектное мышление, бизнес-мышление, инженерное видение мира по машинным образцам) предполагает техноморфность. От Ф. Бэкона, Р. Декарта, А. Сен-Симона, К. Маркса и до нашего времени нарастающее техническое господство человека над природой провозглашалось в качестве фундаментальной парадигмы, причем это господство само по себе предполагало оптимальное функционирование социума⁶. Великие умы XVII–XVIII веков полагали, что несчастья народов объясняются нехваткой материальных средств жизни. Люди злы, потому что они голодны —

у них недостает соответствующего их потребностям жилища и одежды. Мол, если с помощью научно-технического прогресса всех накормить и одеть, обеспечить жилищем, то социальные конфликты будут преодолены. Однако реальное цивилизационное развитие показало утопичность таких надежд. Напротив, создание изоцивилизации культуры технических средств, особенно в военном плане, привело народы к огромным жертвам. Этот тезис актуален сегодня потому, что в начале XXI века человечество снова выходит на уровень тотальной войны.

Человеческий мир как технический проект, мыслимый в рамках новоевропейского проективизма, предполагает три момента: 1) цели, имеющие в качестве ценностей специфический эвдемонизм («наибольшее счастье для наибольшего количества людей»); 2) средства реализации этих идей; 3) фактические результаты реализации. Сущность техники, воплощенного средства как такового, являет собой материальную реализацию проективистской парадигмы. Предполагается, что техника бытийствует *между* субъектом и объектом. В одном отношении техника является как *инойбытие субъекта*, как наше второе «я», как «опредмеченные сущностные силы человека». Но в другом отношении она, претерпевая отчуждение, оказывается *объектом*, который может показаться равнодушным. Однако техносфера не нейтральна, но амбивалентна. «В самом злом плену у техники... мы оказываемся тогда, когда усматриваем в ней что-то нейтральное; такое представление, в наши дни особенно распространенное, делает нас совершенно слепыми к ее существу»⁷. Амбивалентное, промежуточное состояние техники между субъектом и объектом есть следствие того, что она осмысливается как функционирующее средство в системе «цель–средство–результат». Цель никогда не реализуется таким образом, как она была задумана. В средствах по причине их материальности, а стало быть, ак-

³ Профессор кафедры социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук. Автор более 200 научных работ, в т. ч. монографий: «Творчество и современность», «Научно-техническое творчество: социально-философские проблемы», «Шепот демона: опыт практической философии», «К метафизике праздничного», учебника «Социальная философия»; редактор коллективных монографий «Восточная Европа: концерт культур», «Феномен самостоятельного философствования», «Бытие и возраст. Монография в диалогах» и др. Член редколлегии журнала «Личность. Культура. Общество».

⁴ Исследование поддержано грантом РФФИ № 18-011-00798 «Инструментальные стратегии развития национального самосознания России: социально-философское исследование технологий скриптивизации бытия».

⁵ Генисаретский О. И. Преамбула о проектности // Архив ПРОМЕТА. URL: <http://prometa.ru/projects/projectivity/0> (дата обращения: 02.12.2018).

⁶ Netopilik J. Zur Subjekt-Objekt-Beziehung im Sozialismus // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. 1972. № 2.

⁷ Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 221.

туальной бесконечности таятся не только те свойства, которые замыслил использовать инженер, но и *другие*, которые он в своем «проектном мышлении» предусмотреть не мог. Поэтому результаты, особенно при длительном использовании, оказываются не такими, как задумывалось. Техника всегда чревата непредсказуемым. Выступая как потаенный носитель Иного, техника, в сущности, оказывается «серой магией»¹. Образ техники — Мефистофель, якобы «абсолютный слуга», появляется в «Фаусте» поначалу как собака — метафора абсолютной услужливости. Мефистофель готов исполнить любую прихоть человека. Но через эту услужливость эволюция техники угрожает захватить власть над человеком, который оказывается безответственным, если забывает о своей обязанности философской рефлексии.

А. Е. Ферсман осмысляет природную объективность технического прогресса в сциентистских терминах XX века как *техногенез*. Последний вовсе не сводится к послушному исполнению человеческих «заданий», но представляет собой тип минералообразования, порожденный в качестве эпифеномена хозяйственной деятельностью человека². Вовсе не человек оказывается целью технического прогресса. Человек всего лишь *агент* в геологическом процессе эволюции земной коры.

Техногенез не единственное, что порождено мировой человеческой историей. Случился фундаментальный поворот в период между 800 и 200 годами до н. э. — возникло *осевое время*. Его суть — в утверждении *идеи ноосферы*. Ноосфера выступает как начало, комплементарное техногенезу, но диалектически единое с ним событие человеческой истории. Из существа, которое живет, чтобы есть, на этапе осевого времени человек превратился в существо, *которое ест, чтобы жить*, то есть *жить духовно*. Таким существом, несмотря на все отступления, неудачи и частичные поражения, он остается до сих пор. Вслед за Эдуардом Леруа и П. Тейяром де Шарденом В. И. Вернадский³ обозначил *современный этап ноосферы*, который, по сути, способен противостоять геологической стихии техногенеза.

Перед разумным ликом ноосферы техногенез все не отступает легко. Напротив, с развитием западной цивилизации его позиции усилились. Это выразилось в новоевропейской технике, где в XX–XXI веках усилился *момент риска*. По мере погружения в стихию техногенеза, по большей части неосознанного, техногенный риск возрастает. Нынешний этап развития предстает уже как тотальное «общество риска». Концепт научно-технического прогресса в целом — от Анри Сен-Симона до сегодняшней «третьей волны» (Э. Тоффлер) берется исключительно с позитивной стороны. По умолчанию предполагается, что технический прогресс состоит в том, что одна счастливая случайность будет сменять другую. Однако на самом деле

происходит подспудное накопление ошибок. В частности, современный технический прогресс необратимо сползает от экологического кризиса к экологическим катастрофам. Люди создают экономические и научно-технические предприятия, не зная, как их потомки будут преодолевать последствия. В авантюрном мире западной цивилизации, где несчастные случаи имеют тенденцию накапливаться в непоправимое целое, господствуют иллюзии, что счастливый случай удачного технического решения всегда найдется.

Воля к технике, поступательно возрастающая в фаустовской цивилизации, есть не только отражение и рационализация стихии техногенеза, но и слепое стремление использовать технику как универсальное средство для решения человеческих проблем. Вообще говоря, такого рода интенции были в грандиозном проекте новоевропейской цивилизации, который изначально был намечен Ф. Бэконом и Р. Декартом, а потом развит и продолжает развиваться в Новейшее время гениальными инженерами, такими как Г. Форд, С. Королев, И. Курчатова, Р. Оппенгеймер, В. фон Браун, И. Маск и др.

Словом, техногенный проект западной цивилизации не оказался столь спасительным, каким он виделся на заре ее становления. Концепт проективизма в сознании народов, втянутых в ее экссесс, воцарялся тем прочнее, чем менее осознавалась его суть. Настало время понять, что техногенез как процесс в сущности чужд априорным человеческим ценностям осевого времени. Однако стихия техногенеза до сих пор одерживает верх над аксиологией осевого времени, сияющей над бытием человечества как неподвижные звезды.

Стихия техногенеза оказалась ловушкой, ибо вернуться назад без мучительной переоценки ценностей уже нельзя. Ведь ясно, что современные 7,5 млрд человек на земном шаре не в состоянии добровольно отказаться от «приманок» технического прогресса. Проективные технологические парадигмы обещают не только удобства комфорта, оцениваемые гедонистически, но и являют собой стереотипы наших представлений о возможности *социального порядка*, пусть весьма относительного, однако вполне реального. Хрупкое «равновесие страха», обеспечиваемое в современном мире на основе военной техники и технически организованных институтов государственной безопасности, практически не имеет альтернативы. Если бы в мире вдруг исчезла техника вообще, и особенно военная техника, то мир погрузился бы в анархию. В своей якобы одухотворенности гуманистическими целями новоевропейская техника выступает как момент будто бы становящейся ноосферы. Напротив, в своих реальных результатах техника предстает как принадлежащая миру косного вещества — равнодушного к человеку техногенеза.

Будучи бессознательно захвачены парадигмой проективизма, носящего преимущественно техногенный характер, мы попали во власть могучего геологического процесса техногенеза, который пока оказывается сильнее ноосферы. Правда, поскольку мы прилагаем усилия осознать этот факт, то уже самой рефлексией

¹ Булгаков С. Н. Искусство и теургия (фрагмент) // Русская мысль. 1916. № 12. Вторая пагинация. С. 1–24.

² Ферсман А. Е. Геохимия : в 4 т. Л., 1934. Т. 2. С. 27.

³ Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление / отв. ред. А. Л. Яншин ; предисл. А. Л. Яншина, Ф. Т. Яншиной. М. : Наука, 1991.

сией, изменяя самосознание, в определенной степени ограничиваем слепую стихию техногенеза. Преодоление стихийности техногенеза требует прежде всего интеллектуальных и нравственных усилий самосозна-

ния. Пока же, особенно в массовых представлениях, стихийно воспроизводятся прямо противоположные мировоззренческие установки, возникающие как бессознательная рефлексия техногенеза.